

РЕЙЧЕЛ ЛИНН
СОЛОМОН

PODCAST
BY EX-FO

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

C60

Дизайн обложки и иллюстрации *Екатерины Елькиной*

Фото автора © Sabreen Lakhani

Соломон, Рейчел Линн.

C60   Подкаст бывших : [роман] / Рейчел Линн Соломон ; [перевод с английского М. Захарова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-04-118972-3

Шай Голдстейн — успешная продюсер на радио и обожает свою работу. Но на станции появляется Доминик Юн, недавний выпускник престижного университета, убежденный, что знает об индустрии все. Их взгляды, мягко говоря, расходятся, и их ежедневные пикировки привлекают внимание шефа. Когда едва держащейся на плаву радиостанции требуется новое шоу, Доминик и Шай делают предложение от которого невозможно отказаться. Им придется стать соведущими. Им придется выдумать историю отношений. Им придется притвориться бывшими и давать советы слушателям в прямом эфире.

Но похоже, они так хороши в своих ролях, что «подкаст бывших» может превратиться в «подкаст будущих»...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Захаров М., перевод
на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-118972-3

Айвену

*Спасибо за то, что отправился
со мной в это путешествие,
за непоколебимую поддержку и за то,
что любишь истории так же сильно, как я.
С тобой я всегда как дома.*

Я вовсе не ищу истории, случившиеся
из-за человеческой неправоты, отнюдь.

Но факт остается фактом:
многие великие истории случились
из-за того, что люди ошибаются.

*Айра Гласс*¹

---

¹ Айра Гласс (р. 1959) — американский радиоведущий, известный по своей еженедельной документальной передаче «Эта американская жизнь». (Здесь и далее прим. переводчика.)

Доминик Юн в моей комнате звукозаписи.

Он знает, что это моя комната. Он здесь уже четыре месяца и не может не знать, что это моя комната. Она занесена в общий календарь станции, привязанный к нашей почте. В голубом пузыре указано: «Комната С: Голдстайн, Шай. С понедельника по пятницу, с 11 до полудня. На веки вечные».

Я стучусь в дверь, но на то она и комната записи, что не пропускает внешние звуки. Перечень моих недостатков можно растянуть на полчаса эфира без единой рекламной паузы, но не такая я злодейка, чтобы ворваться и запороть то, что записывает Доминик. Пускай он и самый неопытный репортер Тихоокеанского общественного радио, но я слишком уважаю искусство сведения, чтобы допустить подобное. Происходящее в этой комнате священо.

Едва сдерживая гнев, я прислоняюсь к стене напротив комнаты С. Над входом мигает знак «ИДЕТ ЗАПИСЬ».

— Воспользуйся другой комнатой, Шай! — окликает меня по пути на обед ведущая моей передачи Палома Пауэрс. (Вегетарианская якисоба из забегаловки напротив по вторникам и четвергам последние семь лет. На веки вечные.)

Я бы и воспользовалась. Но пассивная агрессия куда веселее.

На общественном радио работают не только сладкоголосые интеллектуалы, выпрашивающие деньги во время марафонов по сбору средств. На каждое рабочее место в этой среде приходится сотня отчаянных выпускников журфака, которые

«ну просто обожают «Эту американскую жизнь»», поэтому иногда, чтобы выжить, приходится быть безжалостной.

Но я скорее не безжалостная, а упрямая. Благодаря этому качеству я десять лет назад прошла здесь стажировку, а теперь, в двадцать девять, стала самым молодым старшим продюсером в истории станции. Я мечтала об этом с детства, пускай даже тогда мне и хотелось сидеть не за компьютером, а у микрофона.

После того как я заверяю младшего продюсера Рути Ляо, что промо будут готовы до полудня, и после того как журналист-эколог Марлен Харрисон-Йейтс бросает на меня короткий взгляд и взрывается смехом, а затем исчезает в значительно уступающей по размерам комнате В, дверь комнаты С наконец-то открывается. На часах 11:20.

Сначала я вижу его ботинок — сверкающий черный оксфорд, — а затем и все двухметровое тело: угольного цвета брюки и темно-бордовую рубашку с расстегнутой верхней пуговицей. Обрамленный проходом в комнату С и насупившийся над своим сценарием, он словно позирует для стоковой фотографии из категории «бизнес-кэжуал».

— Все слова сказал в нужном порядке? — спрашиваю я.

— Кажется, да, — на полном серьезе обращается Доминик к своему сценарию. — У тебя ко мне какой-то вопрос?

Мой голос сочится приторной патокой:

— Просто жду свою комнату.

Он преградил мне дорогу, поэтому я продолжаю его внимательно изучать. Засученные по локоть рукава, слегка спутавшиеся черные волосы. Может быть, он зарылся в них руками, расстроившись, что репортаж не получился таким, как он хотел. Это бы приятно оттенило его предыдущие репортажи, заполнившие наш сайт и популярные за счет броских заголовков, но страдающие от недостатка эмоциональной глубины. Может быть, за те судьбоносные двадцать минут, что он провел в комнате С, Доминика так достало общественное радио, что он сейчас же извинится перед Кентом и скажет ему, что эта работа не для него.

Едва ли он провел здесь достаточно времени, чтобы почувствовать тонкую разницу между комнатами А, В и моей любимицей С: наушники в комнате С идеально отлажены, а вес регуляторов на пульте упрощает их переключение. Кроме того, он не осознает особой важности комнаты С: именно здесь я свела дорожки для первой самостоятельно созданной передачи — она была посвящена тем, кто празднует День отца без отца, и привлекла такое внимание, что линия была занята на протяжении нескольких часов. Слушая эти истории, я впервые за много лет почувствовала себя чуть менее одинокой и вспомнила, почему изначально пошла работать на радио.

Так что я бы сказала, дело не только в комнате С — вероятно, я болезненно привязана к этим шести с половиной кубическим метрам проводов и ручек.

— Она твоя, — говорит он, но не двигается с места и не поднимает глаз от сценария.

— Да, как и положено: по будням с 11 до полудня. Если у тебя не работает календарь, наверное, об этом нужно сообщить сисадмину.

Наконец он переводит взгляд со сценария на меня — то есть вниз. Слегка ссутулившись, он прислоняется к дверному косяку. Он всегда так делает — наверное, потому, что здания обыкновенного размера для него слишком малы. Мой рост — 160 сантиметров, и я осознаю это острее всего, когда стою рядом с Домиником.

Когда наша администратор Эмма фотографировала его для сайта, он все время краснел — возможно, потому, что на станции он единственный парень до тридцати и при этом не стажер. На фотографии он абсолютно серьезен, только краешек рта слегка искривлен, словно малюсенькая скобочка тянет в уголок его губы. Когда фото опубликовали, я долго смотрела на этот краешек и недоумевала, с чего бы это Кент нанял того, чья нога никогда не ступала внутрь радиостанции. Кент потерял голову из-за магистерской степени по журналистике, полученной Домиником в Северо-Западном университе-

те¹, и из-за обилия завоеванных им журналистских наград университетского круга.

Доминик улыбается мне — еще более натянуто и сдержанно, чем на фото с сайта.

— На часах было 11:05, внутри никого, а у меня припасена громкая новость. Жду подтверждения от еще одного источника.

— Класс. Ну а мне нужно свести заставки для Паломы, так что... — Я пытаюсь войти в комнату, но он не шевелится, а его немыслимо высокая фигура мешает мне пройти. Я малюшка, пытающаяся привлечь внимание гризли.

Знакомая скобочка слегка растягивает рот.

— Тебе что, совсем неинтересно?

— Уверена, что прочту об этом завтра в «Сиэтл таймс».

— Но где же твой командный дух? Общественное радио бывает *громким*, — настаивает он. Мы уже десятки раз спорили об этом, начиная с его первых недель на станции, когда он спрашивал, почему никто из наших репортеров не посещает собрания муниципального совета на регулярной основе. — Разве не здорово хотя бы однажды выдать новость первыми, а не гнаться за ней?

Судя по всему, Доминик не понимает, что «громкие новости» — не наша прерогатива. Когда во время тренинга я сказала ему, что иногда наши репортеры просто перепиывают новостные сводки из «Таймс», он посмотрел на меня так, словно я отменила раздачу фирменных шоперов во время кампании по привлечению средств². Наши репортеры

---

¹ Северо-Западный университет (англ. Northwestern University) — престижный американский университет, расположенный в северном пригороде Чикаго — городе Эванстон, штат Иллинойс. Входит в список 20 лучших университетов мира. (Прим. ред.)

² Американские общественные радиоканалы проводят подобные кампании (англ. pledge drive) два-четыре раза в год, так как их финансирование большей частью зависит от частных слушателей и локальных спонсоров. (Прим. ред.)

делают отличную работу — важную работу, — но мне всегда казалось, что общественному радио лучше уделять внимание длинным материалам, доскональным расследованиям и человеческим историям. Им и посвящена моя передача «Звуки Пьюджет», и мы отлично справляемся. Название (производное от Пьюджет-Саунд, залива у северо-западного побережья штата Вашингтон) придумала Палома.

— Люди хотят от нас не громких новостей, — говорю я, пытаюсь не повышать голос. — Мы провели исследование. И не важно, у кого локальный эксклюзив. Завтра он уже будет на каждой станции, в каждом блоге и в каждом твиттере с двадцатью семью подписчиками, и всем уже будет все равно, где они его услышали впервые.

Он скрещивает руки на груди, и это привлекает мое внимание к обнаженным предплечьям и узорам из темных волос, исчезающим в рукавах. Я всегда тащилась от предплечий (закатывание рукавов — почти прелюдия для меня), но обидно, что такие отличные предплечья достались именно ему.

— Хорошо, хорошо, — говорит он, — на настоящем радио рассказывают о... напости, какой у тебя сегодня блок?

— «Спроси у дрессировщицы», — отвечаю я, выпатив подбородок в надежде, что это создаст впечатление уверенности. Я отказываюсь краснеть за один из наших наиболее популярных блоков — прямой эфир с известной специалисткой по поведению животных Мэри Бет Баркли (на 98% уверена, что это псевдоним¹), которая отвечает на вопросы слушателей. Она всегда приводит своего корги, а это факт, что с собаками все становится лучше.

— Ты занимаешься по-настоящему важным общественным делом — анализируешь кошачью рвоту в прямом эфире, — он отходит, и дверь со стуком захлопывается за ним. — Наверное, я болел, когда нам это преподавали в магистрату-

---

¹ Баркли — фамилия, образованная от глагола bark (англ. «гавкать»).

ре. Немногие способны так передать все тонкости, как твоя передача.

Прежде чем у меня появляется возможность ответить ему, по коридору проходит Кент в фирменных подтяжках и галстуке с новым узором — сегодня это крошечные ломтики пиццы пепперони. Кент О'Грэйди: программный директор станции и обладатель голоса, прославившего его в Сиэтле несколько десятилетий назад.

Кент хлопает Доминика по плечу, но он лишь на пару сантиметров выше меня, поэтому рука приземляется на бицепс.

— Вас-то я и искал. Дом, как продвигается история? У нас есть скандал?

Дом. За десять лет я ни разу не слышала, чтобы Кент так быстро состряпал прозвище.

— Скандал? — спрашиваю я, оживившись.

— Возможно, — отвечает Доминик. — Я жду еще один звонок, чтобы все подтвердить.

— Вот и отлично, — Кент проводит рукой по сидящей бороде. — Шай, сможет ли Палом провести с Домом интервью в пиковое время в прямом эфире?

— В прямом эфире? — переспрашивает Доминик. — То есть... без предварительной записи?

— Конечно, — отвечает Кент, — мы хотим первыми объявить эту новость.

— Такие уж они — срочные новости, — говорю я, наблюдая за бледнеющим Домиником. Я не желаю уступать ему эфирное время, но обеими руками за, если это выведет его из равновесия. — Наверное, мы можем выделить тебе пару минут «Спроси у дрессировщицы».

Кент щелкает пальцами:

— Напомни мне поговорить с Мэри Бет, прежде чем она уйдет. В последнее время Тефтелька вытаскивает еду из миски на пол и только тогда ест.

— Всего лишь пару минут, да? — спрашивает Доминик дрожащим голосом.

— Максимум пять. Все будет окей, — ухмыляется Кент и возвращается в офис.

— Пожалуйста, не испогань мою передачу, — говорю я Доминику, а затем проскальзываю в комнату С.

Доминик Юн в моей студии.

Строго говоря, в трех смежных студиях: в той, где обычно сидим мы с диктором за микшерной консолью, то есть «пультом»; в небольшой студии для принятия звонков; и студии А, где прямо сейчас расположилась Палома со своим сценарием, бутылкой чайного гриба и пустым стаканом. Доминик, сидящий напротив, заламывает руки после того, как опрокинул упомянутый стакан на сценарий Паломы. Рути пришлось поспешно напечатать новую копию.

— Мэри Бет здесь, — говорит мне вошедшая в студию Рути, которая прибралась за Домиником. — И да: у нее есть вода, и у собаки — тоже.

— Супер. Спасибо. — Я надеваю наушники и пробегаюсь по плану передачи. Сердце колотится в знакомом предэфирном ритме.

«Звуки Пьюджет» — часовой выброс адреналина по будням с двух до трех часов дня. Будучи старшим продюсером, я руковожу прямым эфиром: подаю сигналы Паломе, звоню гостям и соединяю их со студией, отслеживаю время каждого из блоков и справляюсь с любыми форс-мажорами. Рути приводит гостей, а наш стажер Гриффин сидит на линии прямого эфира в смежной комнате.

Иногда мне не верится, что я занимаюсь этим пять раз в неделю. Тысячи людей по всему городу настраивают свои телефоны, приложения и браузеры на частоту 88.3 FM. Некоторые из них настолько вдохновятся, развеселятся или даже возмутятся, что позвонят нам, чтобы поделиться историей или задать вопрос. Именно эта интерактивная составляющая — возможность услышать Палому через наушники, а в следующее мгновение выйти с ней на связь в прямом эфире.